

То же в «Краткой Московской летописи»: «И хотя все почитали его подлинным Дмитрием, но государем, недостойным престола».

Аристократу Ржевскому совершенно не безразлично происхождение правителя. Он потому и чернит Смердия вопреки историческим фактам, что пишет о *подложном* Смердии, и именно в происхождении видит причину недостойного поведения волхв-мидянина на персидском троне. Причем для большинства героев трагедии ужас и трагизм не столько в том, что страна оказалась под властью злодея и тирана, сколько в том, что тиран — мидянин-волхв, т. е. человек, по роду своему недостойный занимать престол. Наиболее выразительна в этом отношении реплика Аспафина:

Друзья, какой позор, что днесь на Киров трон  
Взошел мидянин-волхв и нами правит он.

(д. II, явл. 7)

Вероятно, именно с эволюцией общественно-политических взглядов Ржевского связан еще один мотив трагедии. Поэту надо как-то объяснить перемены в общественной атмосфере — появляется монолог Отана, в котором сравнивается Смердий до вступления на трон (подлинный Смердий) с нынешним правителем:

От самых детских лет я зрел и знал его,  
Но ныне уж не зрю в нем Смердия того,  
Вся Персия тому, весь двор и я свидетель,  
Сколь он отечество любил и добродетель,  
Сколь сердце тихое и душу он имел,  
И в свете никого он огорчать не смел.  
Написано всегда в его очах то было,  
Что сердце кроткое ему ни говорило.  
Был снисходителен ко всем своим рабам.  
И не был мстителен и самым он врагам.  
Всегда он был готов нещастным в защищенье.  
В содеянном добре имел он утешенье,  
Достойный был он сын великого отца.  
Но днесь уж он не тот, кроме лишь лица.

(д. II, явл. 3)

Если вспомнить, что писал тот же Ржевский и его ближайшие друзья в 1762 г., то монолог, написанный в 1769, приобретает еще большую выразительность и вполне определенную политическую окраску.

Весьма выразительно и другое. У Геродота—Нартова после гибели подложного Смердия идет чрезвычайно интересный спор Отана с Дарием о способе правления. Обсуждаются сравнительные достоинства и недостатки демократии, олигархии и монархии. Но, вопреки очевидному эффекту, Ржевский как бы выносит спор за скобки трагедии, не показывая его на сцене. Это, конечно, имеет причину театральную: «Подложный Смердий» — трагедия